

JĘZYKOZNAWSTWO

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ЩЕРБИНА / SERGEI IVANOVICH SHCHERBINA
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева,
Москва, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕФИНИЦИИ ТЕРМИНА «СЛОВО» В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В восточнославянской филологической традиции представление о слове как некоторой значимой единице, занимающей центральное место в грамматическом описании, существовало издавна. Для славянского книжника основополагающая значимость слова определялась не только установившимся взглядом древних грамматистов на его природу, но обуславливалась христианской онтологией языка, утверждающей могучую созидательную силу слова.

Именно так понимали слово Кирилл и Мефодий, свершившие первый акт терминологического творчества, созидая славянский литературный язык: «Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ отъ(ъ) Бога, и Б(ог)ъ бѣ слово»¹. Разница между семантикой лексемы «слово» в обиходно-бытовом значении и тем, которое она получает в контексте пролога «Евангелия от Иоанна», очевидна. Отождествив центральный термин эллинистической философии *logos* и славянскую общеупотребительную лексему «слово», первоучители фактически использовали приём транспозиции, суть которого заключается в том, что лексическая единица из всеобщего языка перемещается в разряд терминов. Семантика транспозита при этом модифицируется, но в то же время не порывает с исходным значением.

Этот приём у славянских книжников нашёл широкое применение. Если «Бесѣда о оучении грамоте» продуцирует значение термина слово как равноценное греческому *logos*, подчёркивающему «двойное, сугубое рождение человеческого слова, его изотеричность («того ради по сугубому рождению сына божі# и нашего слова сугубое рождение понеже бо (нце)раждаетс# прежде

1 Пролог Святого Евангелия от Иоанна (Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911), 359.

w(т)дша нѣкимъ рождениемъ непостижимъ...»), то многочисленные трактаты позднего средневековья обнаруживают тенденцию к пониманию «слова» как термина, несущего в себе выраженное филологическое значение². Его формирование на славянской почве объясняется особенностями функционирования лексемы «слово» в оригинальных грамматиках. При этом термин слово у восточнославянских книжников, а позднее и российских просветителей становится многозначным, обнаруживая следующие значения: 1) «буква» в рассуждении архимандрита Анфима: «...но і полезно еже в началѣ стиха красное писати слово»; 2) близкое к значению «абзац» в статье «Ин перевод»: «Вопрос: Колико испw(л)неи# в книга(x) совершаю(т)с#? Ответ: шесть-книга, розде(л)ение, пре(д)лог, слово, главизна, стихъ»; 3) «глагол как часть речи» (в современном понимании термина) в «Донате»: «Слово и рѣчь за одно стоит и вѣщание, кое хочешь то рѣчь»; 4) «часть речи» в составе словосочетаний «чести слова», «части слова» в трактате «О восьми частях слова», «Адельфотисе», в Грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого: «Соуть же оубо слова чести слова wсмъ ~лика глаголемъ и пишемъ wнѣсихъ ничтоже ~сть. Соуть же сіе име, рѣчь, причестие, различіе, мѣсто-имене, прѣдлогъ, нарѣчье, соузь»; 5) «единица языка», благодаря которой «строится речь» в одной из статей, приписываемой М. Греку: «гл(а)совна съвѣкшл#ема съ(со)гласовными, съврѣшают склады слова, а слова добросчина на горече(н)#. Члкъ есть животно словесно»³.

Смысловое варьирование термина слово отмечается не только при сопоставлении разных памятников традиции, но и в рамках одного сочинения. Так, слово как специализированное средство выражения в рассуждениях «О осми-честехъ слова по вопросам отвѣты», автором которых Ф. Калайдович считал «преподобного и богоносного отца нашего И. Дамаскина», имеет два значения: 1) «речь как языковое проявление» («Вопрос: Что есть речение и что рѣ(ч) и слово? Ответ: Слово есть речеи сложение»); 2) «простое нераспространѣнное двусоставное предложение» («Вопрос: Колико есть необавны? Ответ: Три: речение, рѣ(ч) и слово ... третислованеобавное сеестъ: члкъстоитъ»)⁴.

Для термина слово в донаучный период характерна полилексия, которая формировалась преимущественно тремя единицами: лексемами речь, речение, являющимися производными от общеславянского *rekti «говорить», и непосредственно греческим термином *risis*: «...писали рѣчи и литеры просодию»;

2 Игнатий В. Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке* (Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1895), 676.

3 Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины*, 787, 698, 821, 329, 602.

4 Ibidem, 766–767.

«...нипремѣннати речение какого, всякое речение или слово...»; «...рисиспо гречески глаголане или речение толкуется»⁵.

Однако уже к середине XVIII в. повышенная лексическая вариантность понятия деятелями русской культуры ощущается как тормоз в установлении объёма значения термина слово, в связи с чем возникает устойчивая тенденция к освобождению понятия от избыточного наименования. На это прямо указывает в своих рассуждениях о терминах речение, слово В.К. Третьяковский: «Теперь бы требовал порядок, чтоб я вам описал и то, что есть речение или... слово...»⁶. В этом высказывании выдвинуто требование о необходимости разграничения терминов и толкования их в соответствии с предметом обсуждения. И далее он замечает, что термин «речение есть то же что целая речь», о термине слово он сообщает, что его следует использовать в том случае, если предметом наблюдения является «наше правописание», – о других значениях термина автор «умалчивает как нерассуждающий всей целой Грамматике»⁷.

Фактически В.К. Третьяковским был намечен один из возможных путей преодоления вариантности в терминологии, заключавшийся в дифференциации подобных средств выражения, которая в свою очередь привела к сужению их семантического объёма и наметила спецификацию терминологических лексем. (В скобках заметим, что рациональные рассуждения о разграничении «речи» и «слова», приписываемые исследователями В.К. Третьяковскому, на самом деле впервые были высказаны и обоснованы В.Е. Адогуровым в его второй Грамматике, не ставшей, к сожалению, в своё время известной в научной среде.) Но термин слово ещё долгое время обнаруживал как признаки полилексии, так и устойчивую тенденцию к многозначности.

Так, А.А. Барсов, сообразно взглядам эпохи Просвещения на проблему слова и речи, констатирует, что «слова или речения суть знаки наших мыслей; речение или слово есть изображение голосом, а потому и буквами...»⁸. Подобное терминологическое употребление отмечается в философской грамматике И. Орнатовского и академика И.С. Рижского, сформулировавшего впервые в русском языкознании логико-грамматическую точку зрения на язык. Термином слово он обозначает, выражаясь современным языком, языковую систему и способность сознания к абстрагированию, отождествляя логические категории с грамматическими: «Слова суть знаки наших мыслей. Свойства означа-

5 Лидия П. Рупосова, Сергей И. Щербина, *Введение в славянскую филологию* (Москва: МГОУ, 2008), 58.

6 Василий К. Третьяковский, *Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи* (Санкт-Петербург: Изд. А. Смирдина) 1849, 126.

7 Третьяковский, *Разговор между чужестранным*, 128.

8 *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, под ред. и с предисловием Б.А. Успенского (Москва: МГУ, 1981), 90.

емой вещи должны находиться в её изображении, если токмо оно может их выражать. Следовательно, всё, что существенно и всегда принадлежит нашим мыслям, должно быть существенно и непременно в наших словах, разумея, сколько позволяет невещественность мысли в отношении к словам, кои суть, как уже сказано, нечто чувственное»⁹.

Пожалуй, одним из первых грамматистов, кто термин слово употребил без вариантных наименований, был Л.Г. Якоб. Продолжая популяризацию логико-грамматической точки зрения на язык, он в качестве исходной единицы мышления и языка называет слово – такой исходный знак, «который представляет из себя членораздельные звуки ... они необходимо нужны к мышлению, поелику без оных не можно никакой мысли в отвлечённости составить, а тем паче удержать ... Что слова могут быть представляемы буквами или на письме, что они таким образом получают постоянство и бывают способны к сообщению мыслей в отдалёнейшие времена и пространства, сие обстоятельство довершает все те выгоды, какие только могут иметь знаки»¹⁰. Понимание слов как способа выражения мыслительных категорий, отождествлений слов с понятиями характерно и для В.Г. Белинского, поскольку язык для него есть «покров, одежда, форма выражения мысли, а мысль есть смысл, разум, значение слов». Отсюда и слово в его трактовке выступает как «условный знак понятий, выражаемых посредством различных сочетаний звуков голоса»: «Слово, взятое отдельно, есть выражение какого-нибудь понятия, совокупность слов, имеющая определённый смысл, есть выражение какого-нибудь суждения»¹¹.

Н.И. Греч термин слово использует в разных значениях. С одной стороны, подобно М.В. Ломоносову, он в его значение вкладывает смысловое начало термина язык. Терминологическая единица слово в употреблении грамматиста соотносится с представлением о языковой национальной системе как государственной категории: «История русского слова есть история Российского государства»¹². С другой стороны Н.И. Греч продолжает популяризацию наметченного Л.Г. Якобом понимания термина слово как знака. Знаковая сущность слова, по мнению Н.И. Греча, проявляется в его двойственной природе: слово может выступать как знак внешний, знак впечатлений (очевидно, здесь имеется в виду звуковая оболочка слова) и как знак внутренний, выражающий происходящие в слове изменения значения (в данном случае под знаком понимается

9 Иван С. Рижский, *Введение в круг словесности* (Харьков: Университетская типография, 1806), 22.

10 Людвиг Г. Якоб, *Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи* (Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1830), 12.

11 Виссарион Г. Белинский, *Основания русской грамматики, составленные Виссарионом Белинским* (Москва: АН СССР, 1953), 581.

12 Николай И. Греч, *Пространная русская грамматика* (Санкт-Петербург, 1840), 59.

понятийная, смысловая сторона слова). Выделение в термине слово признаков знакового характера даёт основание предположить, что Н.И. Гречем была предпринята попытка теоретического осмысления знаковой природы языка: «... дар слова есть способность, врождённая человеку ... (в слове) невидимая мысль человеческая принимает образ осязательный, облекаясь в звуки. Из всего видно, что происшедшее от совокупления сих двух стихий, т.е. мысли и звука, стройное целое (организм), язык или слово человеческое имеет два начала: логическое, или умственное, и эвфоническое, или благозвучное. Первое побуждает ... выражать мысль или ощущение звуком голоса; последнее заставляет ... избирать для сего выражения тот или другой звук ...»¹³.

Дисциплинарный статус термина слово у К.С. Аксакова основывается на положении, что слово представляет собой единство двух сторон – внешней и внутренней, материальной и идеальной. Внешняя сторона проявляется в образах, а внутренняя есть проявление идеи, которая, по мнению грамматиста, заключена в корне: «Слово отражает в себе сознательно весь мир ... и заключает в себе и внутреннее, вечно присущее, и внешнее, изменяющееся ... заключает в себе ... идею и форму, именно: коренное значение, высказывающееся в корне слова, и значение относительное, выражающееся в образовательном окончании или вообще в изменяющейся или придаточной части слова»¹⁴.

Известный представитель славянского языкознания А.А. Потебня определяет слово как «единство членораздельного звука и значения», как «звуковое единство с внешней стороны и единство представления и значения с внутренней»¹⁵. Именно такое единство и обеспечивает функционирование слова. Лишённое одного из составляющих, слово «перестаёт быть словом и превращается в искусственный фонетический аппарат». Эту мысль А.А. Потебня настоятельно проводит в другой работе: «Всякое слово, без исключения, состоит из трёх элементов: 1) членораздельного звука, без которого слово быть не может; 2) представления и 3) значения слова»¹⁶. Данное определение слова представляет собой одну из первых попыток в русском языкознании решить вопрос об отношении формы и содержания в слове с философских позиций.

Как видим, понятийное значение термина слово в классическом русском языкознании ограничивается устойчивым представлением, что слово является основным инструментом познания, знакомым нам с детства, однако в нём отсутствует удовлетворительное определение «слова» как единицы языка. Нет общепризнанного классификационного определения одноимённого термина

13 Греч, *Пространная русская грамматика*, 11.

14 Константин С. Аксаков, *Опыт русской грамматики* (Москва: Университетская типография, 1880), 12.

15 Александр А. Потебня, *Из записок по русской грамматике* (Москва: Просвещение, 1958), 35.

16 Александр А. Потебня, *Из записок по теории словесности* (Харьков, 1905), 123.

и в современном языкознании. Основная причина его отсутствия кроется в том, что исследователи по-разному относятся к решению вопроса о главных признаках слова.

Представители семантического направления словом называют звук или комплекс звуков, которые обозначают представление или понятие: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово; например, в русском языке звук речи «а» представляет собою отдельное слово, так как этот звук имеет у нас известное значение (союз «а») отдельно от других звуков, являющихся словами»¹⁷. С позиций современной лингвистики, такое определение слова не вполне состоятельно, поскольку в языке есть слова, содержанием которых не является ни понятие, ни представление. Некоторые учёные исключают из числа слов междометия и звукоподражания, отказываясь признать их словами именно в силу того, что они стоят «вне системы социальных знаков человеческого общения»; к последним А.М. Пешковский прибавляет «ассортимент» побудительных слов, служащих для общения человека с животными (но-оо! тпру!), «так как в них отсутствует членение на звуки и значение, свойственные слову»¹⁸. Более того, представление или понятие могут быть обозначены не словом, а сочетанием слов (железная дорога) или даже целым предложением (бежал куда глаза глядят), превратившимся во фразеологическое сочетание (бежал наугад). И, наконец, хотя несколько неопределённое и расплывчатое, «понятие» является содержанием не только слова, но и морфемы, поскольку она является наименьшей значащей единицей.

В русле логического направления предлагается дефиниция термина слово Е.М. Галкиной-Федорук: «Слово – это звуковая единица человеческой речи, обозначающая явления действительности в их расчленённости, грамматически оформленная и одинаково понимаемая коллективом людей, объединённых исторической общностью»¹⁹. В этом определении подчёркивается социальный характер слова и его грамматическая оформленность, но в то же время констатирующая часть определения оказывается слишком узкой: её рамки не охватывают слов, которые не обозначают явлений действительности. Сомнение вызывает и утверждение, что слово обозначает явления действительности в их расчленённости – слово обнаруживает способность не только выделять отдельные явления, но и соединять их, т.е. в слове фокусируется две отличительные черты мышления человека: анализ и синтез.

17 Филипп Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение. Общий курс* (Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956), 132.

18 Александр М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении* (Москва: УРСС, 2013), 151.

19 Евдокия М. Галкина-Федорук, *Современный русский язык. Лексика* (Москва: МГУ, 1954), 47.

Учёные, исследующие природу слова с точки зрения структурного критерия, во главу определения термина слово ставят звуковое единство единицы, соответствующее фонологическим нормам конкретной языковой системы: «Слово – это целостная единица, в которую не может быть включена другая последовательность того же уровня»²⁰. Данное определение генерализируют непроницаемость слова, предполагающую невозможность расчленения, перестановку или усечения элементов слова без нарушения его семантической или грамматической целостности. Однако этому критерию противоречат аналитические русские формы, отдельные образования, допускающие передвижение морфем, отрицательные местоимения, глаголы с отделяемыми приставками в немецком языке. Такое определение слова не даёт возможности делимитировать границы слова в контексте, с одной стороны, от его части – морфемы, а с другой – от сочетания двух слов и позволяет предположить, что морфологическая форма слова состоит из нескольких слов. В противном случае признаётся существование членимых форм слова, которые «лишь внешне совпадают с сочетанием слов». Кроме того, «форма» – это своеобразная граница, отделяющая пространственную организацию знака от внешней среды, выступающая в единстве элементарного (только конкретное слово) и базового (в основе всегда заложена структура, порождающая модель вариаций через мотивации). Через пульсацию выработанная форма может видоизменяться в определённых временных или пространственных рамках (бывает, бываат, бват, бывае, быва), и поэтому, утверждают психолингвисты, понятие «формы» для слова является условным²¹.

Несостоятельной оказалась содержательная структура термина, основывающаяся на морфологическом критерии слова: «Слово – это единица наименования, характеризующаяся цельюоформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью»²². Предлагаемая дефиниция выражают желаемые детерминирующие признаки слова, которые теоретически устанавливаются при членении макроструктуры языка на частные подсистемы. Названные признаки слово далеко не всегда обнаруживает в реальном употреблении, и поэтому априори они являются идеальными. Слово легко выделяется в потоке речи, если оно обозначает отдельный предмет, действие, качество. Значительно сложнее устанавливаются границы слов, содержанием которых являются отношения между предметами – пространственные, временные, причинно-следственные (вдали – в дали; на счёт – насчёт), когда необходимо разрешить вопрос, это пары слов или отдельные слова? В подобных случаях вопрос

20 Пётр С. Кузнецов, „Опыт формального определения слова”, *Вопросы языкознания* 5 (1964).

21 Александра А. Залевская, *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование* (Воронеж: ВГУ, 1990), 132.

22 Дмитрий Н. Шмелёв, *Современный русский язык. Лексика* (Москва: Просвещение, 1977), 53.

решает условность, закреплённая орфографическими правилами. Например, наречие «налево» в русском языке, пишется слитно, т.е. это самостоятельное слово, в польском языке узаконено раздельное написание этой единицы: «na lewo», для носителей польского языка – это два слова. Зачастую в слове нарушается признак «фонетической цельности»: в сочетании «на руку» два слова – предлог и существительное, хотя они и объединены в одно фонетическое целое общим ударением. Фактически фрагмент этой определяющей части повторяет определение слова по фонетическому или графическому признакам: «Слово – это комплекс звуков, объединённых одним ударением»; «... то, что на письме стоит отдельно, то и есть слово»²³. Именно с целью разграничения субстанциональных детерминирующих признаков слова и конкретной их реализации в речевой практике в лингвистическом обиходе закрепился термин фонетическое слово: «Фонетическое слово – самостоятельное слово вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами (проклитиками и энклитиками)»²⁴.

Дефиниция слова, опирающаяся на синтаксический критерий слова, не даёт целостного представления о слове как единице лексического уровня, так как не учитывает значимость каждого компонента в поле смыслов определяемого понятия и, следовательно, не отражает содержание синтаксического признака к содержанию иных признаков слова в их органической связи: «Словом называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логически законченный отрезок речи, что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы ... В известной мере синонимом можно считать термин синтагма (единица-minimum в синтаксисе)»²⁵. И, кроме этого, фрагмент реальности, отражённый в дефинируемом смысловом поле, не полностью соответствует исходному понятию: действительно, слово, занимая промежуточное положение между морфемой и целым предложением, может выступать как самостоятельное предложение (например, номинативное «Утро» или безличное «Морозит»), но под приведённые определения не подходят служебные слова, которые не способны составить предложение.

Попытка, предпринятая профессором Л.И. Жирковым синтезировать состав признаков слова в органическое целое и охарактеризовать их в единстве, оказалась не вполне удачной: такой подход выявляет состав признаков-элементов слова и предлагает перечень свойств каждого элемента как самостоятельного объекта, а дефиниция слова представляет перечень дефиниций, каждая из которых соответствует смыслу отдельного термина: «Слово – в языке соот-

23 Борис П. Ардентов, *Введение в языковедение* (Кишинёв: КГУ, 1967), 65, 67.

24 *Учебный словарь лингвистических терминов и понятий* (Нижегородск: НПИ, 2002), 321.

25 Евгений Д. Поливанов, *Толковый терминологический словарь по лингвистике* (Москва: Наука, 1991), 424, 427.

ветствует понятию в сознании людей. Каждое самостоятельное слово может в известных случаях являться словом-предложением ... Определить в предложении границы между отдельными словами можно, пользуясь тем, что в ответах на вопросы, в диалоге, мы узнаём те же слова, но в виде слов-предложений... Служебные слова ... обычно ... не выделяются отдельно от других слов... слова-частицы уже ни при каких условиях не могут выступать в качестве слов, (т.к.) почти превратились в аффиксы. Понятие может быть выражено или одним словом, или стабильным (фразеологическим) словосочетанием (швейная машина)»²⁶.

Существующие операционные критерии определения слова – их около восьмидесяти – не являются абсолютными для установления лингвистической субстанции слова. Это побудило учёных отказаться от дефиниции термина слово и рассмотрения его в качестве основной единицы языка: «В самом деле, что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия «слово» вообще не существует»²⁷. Несмотря на скептическое замечание, высказанное Л.В. Щербой относительно разрешения поставленной проблемы, поиск определения понятия и адекватной ему дефиниции в поступательном развитии лингвистической мысли продолжается.

В современных исследованиях определение слова строится с учётом фонетических, грамматических и семантических признаков. Широкое распространение получила структурная дефиниция термина слово, представляющая собой валентностную синтагматическую характеристику, опирающуюся на разные аспекты слова, которые не противоречат друг другу, а взаимно дополняют. Её автором является В.Г. Гак: «Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка»²⁸. В содержании определения внимание акцентируется на единстве всех трёх сторон слова – фонетической, грамматической и семантической. Зрелость дефиниции термина в данном случае обуславливается тем, что в достаточной мере успешно был осуществлён этап классификации разных признаков слова и определена их значимость для формирования обобщённого «понятийного образа» слова как единицы языка. Безусловно, способствовали этому и накопленные наукой узальные определения слова в соответствии с видовой (признаковой) классификацией, значимые из которых для современной науки

26 Лев И. Жирков, *Лингвистический словарь* (Москва: Московский институт востоковедения, 1946), 100–101.

27 Жирков, *Лингвистический словарь*, 100–101; В. Щерба, *Очередные проблемы языкознания* (Ленинград: ЛГУ, 1958), 9.

28 Владимир Г. Гак, *Слово* (Москва: Советская энциклопедия, 1990), 462.

принадлежат основателю Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэну де Куртенэ и его ученику Н.В. Крушевскому: «Подавляющая часть слов человеческого языка лишь случайно возникшие символы... И как раз эта случайность есть характерная черта языка»²⁹; «...Никакое слово не может существовать в языке, не приспособившись своей внешней и внутренней стороной к стройному целому, называемому языком»³⁰.

Понятийная эволюция термина слово, как в калейдоскопе, фокусирует и отражает все этапы развития любой национальной терминологии: многократную индукцию лексемы, освобождение термина от избыточных наименований и детализацию его семантического объёма.

Слово постоянно развивается, оставляя след на оси диахронии, в его поле неизбежно присутствуют центробежные (ассоциативно-коннотативные) и центростремительные (лексико-семантические) процессы. Сложная природа слова и присущая ему многогранность наглядно засвидетельствована в «Евангелии от Иоанна», а тайна его первичной номинации и, подчас, функционирования, предопределённая целым рядом многообразных детерминантов, зачастую сохраняется до настоящего времени.

Библиография

- Аксаков, Константин. *Опыт русской грамматики*. Полн. собр. соч. Т. 3. Москва: Университетская типография, 1880.
- Ардентов, Борис. *Введение в языковедение. Учебное пособие*. Кишинёв: КГУ, 1967.
- Белинский, Виссарион. *Основания русской грамматики, составленные Виссарионом Белинским*. Полн. собр. соч. Т. 2. Москва: АН СССР, 1953.
- Бодуэн И.А. де Куртенэ. „Человечение языка“. В: *Избранные труды по общему языкознанию*, 258–264. Т. 1. Москва: АН СССР, 1963.
- Гак, Владимир. „Слово“. В: *Лингвистический энциклопедический словарь*, под ред. В.Н. Ярцевой, 462–467. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
- Галкина-Федорук, Евдокия. *Современный русский язык, Лексика*. Москва: МГУ, 1954.
- Греч, Николай. *Пространная русская грамматика*. Санкт-Петербург, 1840.
- Жирков, Лев. *Лингвистический словарь*. Москва: Московский институт востоковедения, 1946.
- Залевская, Александра. *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование*. Воронеж: ВГУ, 1990.
- Крушевский, Николай. „Очерки по языковедению. 1. Французская грамматика“. В: *Избранные работы по языкознанию*. Подготовка текста и комментариев Ф.М. Березина, под ред. В.Н. Ярцевой, 223–226. Москва: Наследие, 1998.

29 Иван А. Бодуэн де Куртенэ, *Человечение языка* (Москва: АН СССР, 1963), 261–262.

30 Николай В. Крушевский, *Очерки по языковедению. 1. Французская грамматика* (Москва: Наследие, 1998), 225.

- Кузнецов, Пётр. „Опыт формального определения слова”. *Вопросы языкознания* 5 (1964): 75–77.
- Пешковский, Александр. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: УРСС, 2013.
- Поливанов, Евгений. „Толковый терминологический словарь по лингвистике”. В: *Труды по восточному и общему языкознанию*, 313–494. Москва: Наука, 1991.
- Потебня, Александр. *Из записок по русской грамматике*. Т. 1–2. Москва: Просвещение, 1958.
- Потебня, Александр. *Из записок по теории словесности*. Харьков, 1905.
- „Пролог Святого Евангелия от Иоанна”. В: *Святое Евангелие от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна*, 359–362. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911.
- Рижский, Иван. *Введение в круг словесности*. Харьков: Университетская типография, 1806.
- Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*. Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. Москва: МГУ, 1981.
- Рупосова, Лидия, Сергей Щербина. *Введение в славянскую филологию*. Учебное пособие. Москва: МГОУ, 2008.
- Третьяков, Василий. „Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи [1748]”. В: *Сочинения*, 12–316. Т. 3. Санкт-Петербург: Изд. А. Смирдина, 1849.
- Учебный словарь лингвистических терминов и понятий*. Отв. редактор Н.К. Фролов. Нижневартовск: НПИ, 2002.
- Фортуатов, Филипп. «Сравнительное языковедение. Общий курс». В: *Избранные труды*, 23–97. Т. 1. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
- Шмелёв, Дмитрий. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение, 1977.
- Щерба, Лев. „Очередные проблемы языкознания”. В: *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, 5–24. Т. 1. Отв. ред. М.И. Матусевич Ленинград: ЛГУ, 1958.
- Ягич, Игнатий. *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1895.
- Якоб, Людвиг. *Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1830.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DEFINITION
OF THE TERM WORD IN THE RUSSIAN LINGUISTICS

Abstract

The article is dedicated to the history of the *word* term formation in Russian linguistics since the Eastern-Slavonic philological tradition to the present times. That there is no common classification term definition as the language unit has been due to at least two reasons for a long time – both another researchers' approach to solving *the word* form-content question from philosophical standpoint and different viewpoints of the main word characteristics. Modern Russian philology has formulated relatively stable understanding of the term due to the pre-national period research and the Russian classical science achievements, but the word itself as an investigation object remains a mystery, unavailable for most researchers, in many aspects.

Keywords: term word, definition, poly-lexis, eastern-Slavonic physiological tradition, classical Russian philology, wordcriteria, word as an investigation object

POWSTANIE I ROZWÓJ DEFINICJI TERMINU *SŁOWO*
W JĘZYKOZNAWSTWIE ROSYJSKIM

Abstrakt

Niniejszy artykuł jest poświęcony historii tworzenia semantyki terminu *słowo* w językoznawstwie rosyjskim od czasów wschodniosłowiańskiej tradycji filologicznej do współczesności. Przez długi czas brakowało powszechnie przyjętej klasyfikacyjnej definicji tego pojęcia, co jest tłumaczone odmiennymi stanowiskami badaczy wobec rozwiązania kwestii stosunku formy i treści w słowie, z pozycji filozoficznych, oraz przez różne poglądy na główne cechy tego pojęcia. Współczesne językoznawstwo rosyjskie, dzięki badaniom okresu przednarodowego i osiągnięciom rosyjskiej nauki klasycznej, sformułowało względnie stabilne rozumienie tego terminu, jednak samo słowo jako przedmiot badań pod wieloma względami skrywa swoją tajemnicę, niedostępną dla badaczy.

Słowa kluczowe: termin *słowo*, definicja, polileksja, wschodniosłowiańska tradycja filologiczna, klasyczne językoznawstwo rosyjskie, kryteria słowa, słowo jako przedmiot badań